

В. И. МАЛЫШЕВ

Стихотворная параллель к „Повести о Горе и Злочастии“

(Стих „покаянный“ о пьянстве)

Сборник „стихов покаянных, слезных и умильных“ XVII в. не раз привлекал к себе внимание исследователей древне-русской литературы и фольклора.¹ П. Безсонов, впервые сообщивший сведения об этом сборнике, отмечает, что в нем объединены и стихи, взятые составителем из предшествующей традиции, и лично им сложенные. Подбор стихов определяется их настроением — грустным лиризмом, или, по определению составителя, „покаянием“. Самые темы стихов довольно разнообразны: польза „писания“, разорение Московского государства, обращение к московским ратникам, к певцу и слагателю и т. д. Но господствующие темы роднят стихи этого сборника с церковными песнопениями и библейскими книгами. Судя по приписке, сборник сложен неким Григорием, „кливошанином“, описавшим в одном стихе печальную жизнь в монастыре, которым правят старцы „горделивые, самолюбием одержими, и сребролюбием обьяшася и братоненавидением соплетошася...“²

В списке сборника стихов „покаянных“, принадлежащем Центр. Гос архиву Карело-Финской ССР (рукопись середины XVII в.), выделена особая группа стихов, озаглавленных: „покаянны, коих нет в покаяннех, прибыльные“, т. е. от общей массы „покаянных, слезных и умильных“ стихов отделены несколько стихов. Такое же заглавие имеет эта группа стихов и в сборнике второй половины XVII в., принадлежащем старообрядческому мужскому монастырю в селе Белая Криница (Северная Буковина), а также в сборнике середины XVII в. собрания б. синодального училища церковного пения (ныне Гос. Исторического музея), № 99.

В группе „прибыльных“ стихов находятся: стих о пьянстве, построенный на сюжете евангельской притчи о блудном сыне (он носит в рукописях разные наименования — „покаянен“, „умилительный“, „слезный“), стих о разорении Московского царства (изд. В. Н. Перетцем в названной статье), два „воинских трехгласных“ стиха, стих о „кумирах“, поставленных на Спасской башне Московского Кремля, о казни „храброго война“, стих „о неправде и ненависти“, которые „покрыли православную веру“, и другие стихи.

¹ П. Безсонов. Калеки переходные, т. II, вып. 6, М., 1864, стр. VII—XV; В. Н. Перетц. К истории древне-русской лирики („стихи умиленные“). Slavia, 1932, XI, вып. 3—4, стр. 474—479.

² П. Безсонов, ук. соч., стр. XIII—XIV.

Выделение перечисленных „прибыльных“ стихов сделано, повидимому, еще составителем всего сборника, не решившимся поставить рядом стихи, сложенные им лично, и стихи, основанные на церковно-бogosлужебных книгах — Октоихе, Триоди, покаянных канонах, частично же на Библии и учительной литературе. Указания на эти источники составитель сделал, вероятно, сам: большинство стихов, кроме „прибыльных“, имеет такие указания на литературные их оригиналы: „речи из псалтыри“, „от бытия“, „Ивана Богослова о любви“, „из погребения мертвых“, „от Ивана Златоуста“ и т. д.

Стихи „прибыльные“, наиболее самостоятельные в сборнике стихов „покаянных“, представляют наибольший интерес для исследователя. Эти стихи содержат материалы для более точной датировки всего сборника, раскрывают настроения автора и характеризуют его как оригинального поэта первой половины XVII в.

Стих „покаянен“, описывающий судьбу юноши, покинувшего родительский дом и „расточившего“ „достойную часть имения“ „со други“, навеянный, несомненно, притчей „о блудном сыне“, представляет собой любопытную параллель — и тематическую и стилистическую — к повести о Горе-Злочастии. Этот стих читается в списке сборника „покаянных“ стихов середины XVII в.¹ Центр. Гос. архива Карело-Финской ССР № 38; варианты к тексту по этому списку привожу по рукописям: Белокрыницкого монастыря, второй половины XVII в. — Б-К; Библиотеки Академии Наук СССР собрания Дружинина № 239, третьей четверти XVII в. — А; собрания Московского синодального училища церковного поения (Гос. Исторического музея) № 846, XVIII в., № 816, XVIII в., № 40, XIX в. — 846, 816, 40.²

(л. 265). Глас 8^а

Егда родихо^бся, не въмо,
 како возраст^в или како зача^бся,^г
 но токмо увѣде от блаженнаго пророка Давыда $\frac{1}{2}$ царя
 от $\frac{1}{2}$ его богодухновенныхъ пѣсней:
 В беззаконии^а зачат есмь^е,
 и во грѣсѣхъ роди мя мати моя.
 Егда приидох во разумо,
 первое бога прогнѣвахо,
 отца опечалих $\frac{1}{2}$ матери прослезих,
 и родителей раздражих.
 От того бо дне и часа
 поидох на чужу^г страну

г м

¹ Водяной знак этой рукописи встречается в указателях, начиная с 1642 г. до 1655 г. — см.: К. Тромонни. Изыяснение знаков, видимых на писчей бумаге... Москва, 1844. №№ 643, 1414, 1337, 1630. — И. Каманин. Водяные знаки на бумаге украинских документов XVI и XVII вв., Киев, 1923, № 638. Текст дается в издании в упрощенной орфографии: *ук, омега, йотированное а, юс малый, і* — передаются через *у, о, я, и*; надстрочные буквы внесены в строку, титла раскрыты. твердый знак в конце слов опущен. В издаваемой рукописи ярко выражено хомовое письмо, воспроизводящее систему пения, при которой конечные и внутри слова стоявшие *ер* и *ерь* произносились как *о, е*.

² Тот же стих имеется в рукописях собрания Титова № 731, второй половины XVII в. и № 407 XVIII в., в списке собрания Соловецкого монастыря № 762, второй половины XVII в., в собрании рисунков П. Д. Богданова № 31, XIX в. (Гос. Публ. Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина), в списке собрания В. Г. Дружинина № 63, XIX в. (БАН СССР).

^а Стих покаянный 816; Стих слезный Б-К; Стих умалительный 40; Стихи покаянные 846. ^б родися А, Б-К; родихся 486. ^в возрастох 486. ^г зачахся А. ^{а-г} проп. А.

далну, незнаму, и
 не приях благославления ~~вотч.~~
 Достойную часть имѣния расточихо,
 во злыхо^{св} в гостиницы привитах.
 Со други возвеселихося,
 пресладких медов напифся,
 и любимаго вина чары наливахо,
 другом своим подносих,
 братство учиних,
 вражебнаго змия прияхо во любовь.
 О, согрѣших от сего злаго дружелюбия!
 Отчую любовь презрѣх,
 матерню бользнь забых,
 сам обнищах,
 гладом истаях
 и знаемыхо лишихося,
 из гостиницы изгнан
 и в рабы никто же мя не приях.
 От сего и слез очи мои наполнилися,^г
 рыдаючи^к с плачем вопияше,^а
 горко стоя: ^г
 Егда пихо и веселихося,
 друзи и братия близо^м предстояху;
 егда же обнищах,
 удалишася вси знаемии
 и чюжди быша от мене.
 Таке^н пад на землю
 со слезами вопиях:^г
 господи, обрати^о и спаси мя!

o-1 b

T° 3

L 3

L m

H X o

яко падох

Литературные источники этого стиха оставили след не только в содержании, но и в стилистическом его выражении. Связь с притчей о блудном сыне, несомненно обнаруживающаяся в композиции стиха, поддерживают и отдельные цитаты из притчи или близкие к ней обороты речи (цитаты из притчи привожу по Острожской Библии, изд. 1581 г.): „Отче, даждь ми достойную часть имения“ — стих: „достойную часть имѣния расточихо“; „Сын отоиде на страну далече и ту расточи имение свое, живы блудно“ — стих: „пойдох на чюжу страну далну... имѣния расточихо“; „Со други своими возвеселися“ — стих: „Со други возвеселихося“. „Аз же гладом таю“ — стих: „гладом истаях“. Псалтырь (пс. 50, ст. 7) цитирует автор, вспоминая свое детство: „В беззакониях зачат есмь и во гресех роди мя мати моя“ — стих: „В беззаконии зачат есмь и во гресѣх роди мя мати моя“. Притчи Соломона напоминает сравнение пьянства со змием: „пьяница вином, яко от змия уязвлен“ (гл. 23, ст. 32) — стих: „вражебнаго змия прияхо во любовь“. Цитатой из Октая (изд. 1618 г., л. 88) заканчивается стих: „И пад на землю со слезами плачу: господи, спаси мя“ — стих: „Таке пад на землю со слезами вопиях: господи, обрати и спаси мя“. В Октае же читается и еще одна близкая параллель к стиху: „и пойдох во страну далну, незнаму“ (л. 76) — стих: „пойдох на чюжу страну, далну, незнаму“.

^гале 486, 816, 40. ^кприят 485, 816; приемлет 40. ^ннаполнишася 40. ^крыдаючи 486, 816, 40, А. ^авозопих 486; вопию А. ^мвси предстояху 816; стоящи 40. ^нАз 486, 816, 40. ^ообратив 40; проп. Б-К.

В построении этого стиха „о блудном сыне“ наблюдается некоторое композиционное сходство с планом повести о Горе-Злочастии.¹ Повесть начинается обширным предисловием; в нем вспоминается грех первых людей, после которого стало „зло племя человеческое“. Люди рождены в грехе — таков смысл этого предисловия. И стих начинается признанием: „В беззакониих зачат есмь и во гресѣх роди мя мати моя...“ Рассказ о „грехе“ самого молодца — желании жить по-своему — в повести начинается переходной фразой: „Будет молодец уже в разуме“, затем следует наставление отца с матерью о том, как надо жить, а перед ответом им молодца автор от себя замечает: „Молодец был в то время се мал и глуп, не в полном разуме и не совершен разумом“. Первый раз „разум“ употреблено автором в смысле возраста, второй — синонимично выражению „мал и глуп“. В стихе с такого же применения слова „разум“ — возраст начинается рассказ о приключениях героя: „Егда приидох во разумо“. И в повести и в стихе описывается далее разгульная жизнь молодца, на которую его толкает „мил надежен друг“ в повести, „други“ — в стихе. Разорившись молодец остался один — „все дружи прочь отпираются“ в повести, „знаемых лишихося“ в стихе. В обоих произведениях молодец с горечью говорит об этом сам: „Как не стало деньги, ни полуденьги, так не стало ни друга, ни полдруга: род и племя отчаются, все дружи прочь отпираются“ в повести — ср. в стихе: „Егда пихо и веселихося, дружи и братия близо предстояху, егда же обнищах, удалихося вси знаемии и чюжди быша от мене“. Оба произведения оканчиваются молитвой: „Избави, господи, вечныя муки, а дай нам, господи, светлый рай во веки веков. Аминь“ в повести — ср. в стихе: „господи, обрати и спаси мя“.

Сходством плана повести и стиха близость этих двух, по существу, вариантов одной и той же темы не ограничивается. В отдельных эпизодах или выражениях наблюдается и стилистическое сходство между повестью и стихом. Признание героя стиха — „первое бога прогнѣвах, отца опечалих и матери прослезих, и родителей раздражих... не прияю благославения отеча“ (здесь, между, прочим, стих отступает от своего оригинала — притчи, где сын уходит с разрешения отца) — напоминает рассказ молодца о своих проступках на пиру: „ослушался яз отца своего и матери, благословение мне от них миновалося, господь бог на меня разгневалося“. В стихе герой уходит „на чюжу страну далну незнаему“ — ср. в повести обнищавший молодец идет искать счастья „на чужу сторону... на чужу страну далну незнаему“. Оба автора охотно применяют эпитет злой. В стихе: „злыи гостиницы“, „злое дружелюбие“; в повести: „зло племя человеческо“, „безживотие злое“, „злое злочастие“, „злое горе“, „злая ворона“. В стихе герой со своими друзьями по пирам „братство учиних“, в повести „мил надежен друг назвался молотцу названой брат“.

Стих о „блудном сыне“ не единственный среди стихов покаянных обращает на себя внимание стилистическими совпадениями с повестью о Горе-Злочастии. На ритмическую близость стиха о Московском царстве (из группы „прибыльных“ стихов) указал В. Н. Перетц: „Ритмический склад стиха очевиден и напоминает частью песни, записанные для Рич. Джемса в 1619—1620 г., частью повесть о Горе-Злочастие“ (назв. статья, стр. 476). В различных стихах „покаянных“ можно найти параллели к отдельным выражениям повести: повесть — „Как будет день уже до вечера, а солнце на западе“ — стихи: „солнце ти есть на западе, а день при вечере“ (л. 16); повесть „А сему житию конец мы ведаем“ —

¹ Цитаты из повести даются по изданию П. Симои. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий. Выпуск VII, 1, СПб., 1907.

стихи: „но се въдая конец житию сему“ (л. 19); повесть „Избави, господи, вечныя муки“, стихи: „господи преблагий, избави мене вечныя муки“ (л. 16, также конец стиха; ср. Октай: „избави вечныя муки“, л. 3 по изд. 1594 г.). К словосочетаниям повести — „буйны ветры“, „милые други“ находим в стихах точную параллель: „буйны ветри“ (л. 82), „милы други“ (л. 61). Сходство приемов: в повести „глупые люди, немудрые“ — в стихах „ото своих злых, недобрых дел“ (л. 13 об.); повесть „лестное питие, пьяное“ — стихи „горкий час, страшный, грозный“ (л. 8 об.), „час страшный смертный (л. 38 об.); напоминание о прошлом в повести: „спамятуй житие свое первое“, — „спамятует молодец спасеный путь“ — стихи „помяните, братие, свое порожение“ (л. 27 об.), „помяните праведных веселе“ (л. 25); наречие „како“ для усиления: в повести „и како тебе отец говорил и како тебе мати наказывала“ — в стихах „и како бога не боишся, како людей не страшишся“ (л. 15), „како падох окаянный, како удалихся бога блага“ (л. 15).¹

Приведенные параллели, отнюдь не свидетельствуя о непосредственном заимствовании автором повести о Горе-Злочастьи из „стихов покаянных“, дают, однако, основание предполагать, что автор повести был начитан в этом жанре: сборники стихов „покаянных“ были достаточно широко распространены в XVII в. Элементы стиля, напоминающие о духовном стихе в повести о Горе-Злочастьи, неоднократно отмечались ее исследователями и дали даже повод Ф. И. Буслаеву определить и самую повесть как „духовный стих“.² „Стихи покаянные“ своей стилистической близостью к повести наводят на мысль, что именно знакомство с ними и ввело в стиль автора повести те книжные черты, которые заметно выделяются на общем фоне устно-поэтического стиля.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Среди „прибыльных“ стихов заслуживают внимания стихи на исторические темы. Эти стихи приурочиваются к определенным событиям и могут быть более или менее точно датированы.

На лл. 27 об. — 28 об. сборника собрания Дружинина № 239 читаем следующий стих.

Придѣте вонидемо в царствующий град Москву
и видимо вси разумено, како явися прелесть вражия
от злых врагов еллинских волхвов,
иже своим чарованьем и злым умышлением
прелестиша владомых и многоразумных начальников Руския державы,
ругающесе нашей православней вѣре.
Яко вознесли кумиры своя
и поставили их над враты градными
превыше образа господа нашего Исуса Христа,
еже есть нерукотвореный, богом посланный
ко Авгарю, едескому князю, на исцѣление
и всѣм вѣрным на спасение.
И нынѣ убо, братие, восплачем вси,
возопием ко всемогущему богу,
дабы избавил нас ото идолскаго поклонения:
Молитвами богородицы и всѣх святых помилуй нас!

¹ Стихи цитирую по сборнику собрания Дружинина № 239 Библиотеки АН СССР.

² Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 1, СПб., 1861, стр. 595.

В этом стихе отразились, повидимому, следующие события московской жизни первой половины XVII в. В 1626—1628 гг. английский зодчий Христофор Галовой надстроил верх Спасских ворот в Московском Кремле и украсил основание этой надстройки четырьмя резными из камня статуями, причем они были поставлены выше образа Спаса-убруса, стоявшего здесь, по преданию, потому, что царь Авгарь над воротами своего города Едессы также поставил образ Спаса нерукотворенного. Появление „кумиров“, „идолов“ или „болванов“ над особо чтимыми городскими воротами вызвало в Москве ропот среди населения. Статуи не сняли, но, чтобы придать им вид живых людей, их одели в суконные однорядки. В течение первой половины XVII в. Спасская башня не раз горела, разрушались при этом и скульптуры. Однако, с восстановлением башни, реставрировались и „болваны“ на ней.¹ Автор стиха встревожен этим „идолским поклонением“, он рассматривает как „ругательство нашей православной вере“ постановку „кумиров“ и винит в ней „злых врагов, еллинских волхвов“, которые „своим чарованием и злым умыслением прелестища владомых и многоразумных начальников Руския державы“ — явное указание на приезжего зодчего.

(л. 49—49 об.)

О, злое дѣло ненавистное,²
 правда неуголимая,
 буря, пагуба души
 и всѣм добродѣтелем потребление,
 но и паче же православной вѣре посрамление
 и от всѣх язык различных вѣр
 посмѣх и укоризна.
 Слышат бо языци нашу неправду
 и многия видят своима очима,
 еже творим со своим христіаном
 немилость и безчеловѣчество лютьиша звѣря,
 яко и храбрых своих воинов,
 против врагов твердо стоящих
 и тех ненавидящих оружием убиваху,
 смерти предающе.
 Понеже не восхотѣша им дати чести земныя
 за их многое страдание,
 но кровным вѣнцем вѣнчашася.
 Тем же и память их во вѣки пребывает.

Не является ли этот стих откликом на казнь воеводы Михаила Шеина, окольникъего Артемия Измайлова и его сына, совершившуюся 26 апреля 1634 г. в Москве? Приговор вменил в вину казненным неудачную осаду Смоленска в 1632—1634 гг., проведенную под начальством Шеина и Измайлова. Сохранилось, однако, известие о том, что обвинение в измене Шеина с товарищами было подсказано клеветой царю на Шеина со стороны бояр и князей, которые завидовали славе и влиянию Шеина. Известно также, что М. Шеин пользовался в войсках популярностью, и в день после его казни в Москве, Можайске и других городах произошли волнения среди ратных людей.³ В тоне стиха слышен голос современника, который укоряет виновников казни: „Слышат бо

¹ И. Е. Забелин. История города Москвы, т. I, М., 1905, стр. 189. — И. Снегирев. Памятники Московской древности, М., 1842—1852, стр. 333.

² В рукописи: ненавистине.

³ Русский биографический словарь, т. 23, СПб., 1911, стр. 41—59.

языцы (т. е. иноземцы) нашу "неправду и многия видят своима очима, еже творим со своим християном". Он заступается за казненных, называя их „твердо стоящими против врагов“. За то что этим людям не воздали „чести земныя“, их ждет „кровный венец“ и память потомков. Стих, видимо, близок к событию, т. е. относится ко второй половине 1630-х годов.

Неясно, к кому относятся обличительные тирады автора в следующем стихе, который осуждает тех, кто „на земли“ „добре“ не живет, „правду и любовь“ ко всем не имеет, царя не чтит и не покоряется ему, святителя не слушает.

(л. 50—50 об.)

Что бо есть лутчши,
 еже на небесѣх свѣтло сияет?
 Солнце посреде всѣх звѣзд.
 Тако и наша православная вѣра
 просияла посреде всѣх вѣр.
 И яко же солнечныя луча покрывает темныи облак,
 тако и нашу истинную и непорочную християнскую вѣру
 покрыла неправда и ненависть.
 Се уже оставляем свѣт и постигаем тьму
 за грѣхи наша земная,
 ищем будущаго,
 не чаем, идѣже свѣтати отцы и мученицы,
 иже за вѣру пострадавоше.
 Аще бо искали будущаго жития,
 то на земли добре жили бы,
 правду и любовь имѣли ко всѣм,
 царя помазанника божия чтили
 и боялися его, яко бога,
 и во всѣм ему покарялися.
 Святителя послушали, яко предстоятеля и заступника,
 о всем мире молящеся,
 тои бо, всегда просит милости
 ото Христа бога и спаса душам нашимо.

18 XI 1940.